

Agatha Christie
СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

**Агата
Кристи**

Пассажир
из Франкфурта

Агата Кристи. Серебряная коллекция

Агата Кристи
Пассажир из Франкфурта

«ЭКСМО»

1970

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Кристи А.

Пассажир из Франкфурта / А. Кристи — «Эксмо»,
1970 — (Агата Кристи. Серебряная коллекция)

ISBN 978-5-699-90739-7

Самолет, на котором дипломат сэр Стаффорд Най возвращается в Англию, в связи с плохими погодными условиями делает вынужденную посадку в аэропорту Франкфурта. В зале транзитных пассажиров Най встречает молодую женщину, которая обращается к нему за помощью. Она говорит, что ее жизни угрожает опасность, и просит Стаффорда отдать ей его плащ, билет и паспорт, дабы она могла пройти на борт самолета, летящего в Лондон. Непонятно почему, но дипломат соглашается на эту авантюру. А зря. Очень скоро сэр Най выяснит, что оказался втянут в международный заговор и что это его жизни угрожает опасность...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-90739-7

© Кристи А., 1970
© Эксмо, 1970

Содержание

Предисловие	6
Книга первая. Прерванная поездка	9
Глава 1. Пассажир из франкфурта	9
I	9
II	10
III	14
Глава 2. Лондон	16
Глава 3. Человек из химчистки	21
Глава 4. Ужин с Эриком	27
I	27
II	30
III	32
IV	33
Глава 5. Вагнеровская мелодия	34
Глава 6. Портрет дамы	38
I	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Агата Кристи

Пассажир из Франкфурта

Agatha Christie
Passenger to Frankfurt

© Сахацкий Г. В., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Посвящается Маргарет Гийом

*Лидерство предполагает наличие большого творческого
потенциала, но оно может приобретать дьявольский характер...*
Йэн Смэтс

Предисловие

Говорит писатель:

Первый вопрос, задаваемый писателю, лично или посредством почты, звучит так:

– Где вы черпаете свои идеи?

Велико искушение ответить:

– Я постоянно хожу в «Хэрродс».

Или:

– Я черпаю их в универмаге Армии и Флота.

Или с раздражением:

– Вероятно, в «Маркс энд Спенсер»¹.

Похоже, в головах людей твердо укоренилось мнение, будто писатели нашли дорогу к некоему волшебному источнику идей.

Вряд ли кому-то под силу послать корреспондента в елизаветинскую эпоху с вопросом к Шекспиру:

Ответь мне, где фантазия родится:

В умах или в сердцах?

И что ее, растя, питает?

Ответь, ответь².

Вы твердо заявляете:

– В моей голове.

Это, разумеется, никому ничего не объясняет. Если вам нравится внешний вид вашего корреспондента, вы смягчаетесь и становитесь чуть откровеннее.

– Если какая-то определенная идея представляется привлекательной и вам кажется, что из нее может что-то получиться, вы носитесь с нею, обдумываете ее и постепенно придаете ей форму. Затем вам, естественно, нужно приступить к ее изложению на бумаге. Это отнюдь не развлечение, но тяжелый труд. Можно также оставить ее про запас, тщательно спрятав в тайнике памяти, чтобы использовать потом, через год-другой.

Второй вопрос – или, скорее, утверждение – обычно звучит так:

– Полагаю, большинство персонажей вы заимствуете из реальной жизни?

Это чудовищное предположение вызывает негодование.

– Нет. Я придумываю их. Они *мои*. Они должны делать то, что я хочу, и быть такими, какими мне нужно, – живыми, иногда имеющими собственные идеи, но только потому, что они являются *реальными* по моей воле.

Таким образом, писатель вырабатывает идеи и создает персонажи. Но необходим также и третий компонент – декорации. Первые два компонента появляются из внутренних источников, но третий – из внешнего – он уже существует и ждет своего часа. Его не придумывают, он реален.

Вероятно, вы плавали на круизном судне по Нилу и помните, в каких декорациях вам хотелось бы видеть события данного романа. Вы обедали в кафе в Челси. Там вспыхнула ссора – одна девушка вцепилась другой в волосы. Прекрасное начало для вашей следующей книги. Вы путешествуете в «Восточном экспрессе». Как не сделать его местом действия для

¹ «Хэрродс», «Маркс энд Спенсер» – крупные сетевые торговые центры в Англии.

² Шекспир У. «Венецианский купец».

сюжета, над которым вы работаете? Вы отправляетесь на чашку чая к подруге. Когда вы приходите к ней, ее брат закрывает книгу, которую читал, и швыряет в сторону со словами:

– Неплохо, но почему не Эванс?

Вы тут же принимаете решение: книга, которая в скором времени выйдет из-под вашего пера, будет носить название «Почему не Эванс?»

Вы еще не знаете, кем будет Эванс. Не имеет значения. Эванс появится в свое время – название обязывает.

Таким образом, в определенном смысле, вы не изобретаете свои декорации. Они существуют независимо от вас. Они окружают вас. Достаточно протянуть руку и выбрать то, что вам нужно. Поезд, больница, лондонский отель, берег Карибского моря, деревня, светская вечеринка, школа для девочек...

Действует лишь одно правило – декорации должны существовать. Реальные люди, реальные места. Определенное место во времени и пространстве. Если действие происходит здесь и сейчас – как вы будете получать полную информацию, помимо того, что видят ваши глаза и слышат ваши уши? Ответ на этот вопрос ужасающе прост.

Это то, что пресса каждый день преподносит вам в вашей утренней газете под общим заголовком «Новости». Изучайте сообщения, содержащиеся на первой странице. Что сегодня происходит в мире? Что люди говорят, думают, делают? Смотрите на зеркальное отражение Англии 1970 года. Изучайте эту первую страницу каждый день в течение месяца, делайте записи, анализируйте и классифицируйте.

Каждый день случается убийство.

Задушена девушка.

Ограблена пожилая женщина, лишившаяся своих скудных накоплений.

Напали или подверглись нападению молодые люди или подростки.

Разбиты телефонные будки и обворованы дома.

Процветает контрабанда наркотиков.

Пропали дети, тела которых найдены неподалеку от их дома.

Может ли это происходить в Англии? Неужели Англия действительно такова? Вроде бы нет – пока, – но могла бы быть.

Страшно проснуться – страшно увидеть то, какой бы она могла быть. Не столько из-за реальных событий, сколько из-за стоящих за ними возможных причин. Некоторые из них известны, другие неизвестны, но *ощущаются*. И не только в нашей стране. На других страницах напечатаны менее объемистые статьи с известиями из Европы, Азии, Америки – всемирные новости.

Угоны самолетов.

Похищения людей.

Насилие.

Беспорядки.

Ненависть.

Анархия.

И ситуация с каждым днем только усугубляется.

В результате в обществе формируется культ разрушения и жестокости.

Что все это означает? Эхом из прошлого звучит определение, данное Жизни в елизаветинскую эпоху:

...это повесть,
Которую пересказал дурак:

В ней много слов и страсти, нет лишь смысла³.

И все же люди знают – из собственного опыта, – сколько доброты существует в этом нашем мире – милосердия, сострадания, взаимопомощи.

Так почему же образовалась эта фантастическая атмосфера повседневных новостей – отражающих реальные *факты*?

Для того чтобы написать историю в этом, 1970-м, году, нужно примениться к фону, на котором разворачиваются описываемые события. Если этот фон фантастический, то и история должна быть фантазией – фантасмагорией. Декорации должны включать в себя фантастические факты повседневной жизни.

Можно ли представить себе фантастическую причину? Тайный заговор с целью захвата власти? Способна ли маниакальная жажда разрушения привести к созданию нового мира? Можно ли сделать еще один шаг и предложить спасение с помощью фантастических, кажущихся невозможными средств?

Нет ничего невозможного, учит нас наука.

Эта история, в сущности, представляет собой фантазию. Ни на что большее она не претендует.

Тем не менее большая часть происходящих в ней событий происходит или обещает произойти в современном мире.

Это отнюдь не невозможная история – она лишь фантастическая.

³ Шекспир У. «Макбет». Пер. Ю. Корнеева.

Книга первая. Прерванная поездка

Глава 1. Пассажир из Франкфурта

I

– Пристегните, пожалуйста, ремни.

Пассажиры в салоне самолета не спешили подчиниться. Никто не верил, что они уже снижаются над Женевой. Многие громко зевали. Наиболее сонных вежливо, но настойчиво будили представительные стюардессы:

– Пристегните, пожалуйста, ремни.

Голос из громкоговорителя фирмы «Танной» звучал сухо и властно. На немецком, французском и английском он сообщил, что в скором времени последует кратковременный период болтанки. Зевнув во весь рот, сэр Стаффорд Най выпрямился в кресле. Ему снился чрезвычайно приятный сон о том, как он ловил рыбу в английской реке.

Это был мужчина сорока пяти лет, среднего роста, с гладким, чисто выбритым лицом оливкового цвета, склонный к экстравагантности в одежде. Происходивший из прекрасной семьи, в сфере портняжного искусства он мог позволить себе любые причуды. Ему доставляло злобное удовольствие, когда его более традиционно одетые коллеги морщились при взгляде на него. В нем было что-то от щеголя девятнадцатого века. Он любил, чтобы его замечали.

Во время поездок сэр Най обычно привлекал к себе внимание купленным однажды на Корсике плащом, похожим на бандитский. Этот плащ имел очень темный лилово-синий оттенок, алую подкладку и капюшон, который он натягивал на голову, когда хотел защититься от дождя или ветра.

В дипломатических кругах Стаффорд Най вызывал всеобщее недоумение. Отличавшийся в молодости талантами, сулившими ему большие успехи в карьере, он странным образом не сумел оправдать возлагавшихся на него надежд. Своеобразное, сатанинское чувство юмора доставляло ему неприятности в самые серьезные, ответственные моменты. Когда наступали такие моменты, он не мог удержаться от того, чтобы не продемонстрировать свою утонченную, шаловливую злость. Он был хорошо известен в обществе, но так и не достиг высокого положения. Чувствовалось, что Стаффорд Най, несмотря на несомненную яркость его личности, не был – и, вероятно, никогда не стал бы – надежным человеком. Во времена сложных политических перипетий и запутанных международных отношений такое качество, как надежность – в особенности если человек собирался получить ранг посла, – было более предпочтительным, нежели яркость личности. Сэр Най был отодвинут на задний план, хотя время от времени ему доверяли миссии, которые требовали владения искусством интриги, но не имели слишком большого значения и заметного общественного резонанса. Журналисты иногда называли его темной лошадкой дипломатии.

Никто не знал, испытывал ли Стаффорд разочарование в отношении своей карьеры. Вероятно, об этом не знал даже сам сэр Най. Ему было присуще определенное тщеславие, но при этом он получал большое удовольствие от различного рода проказ.

В настоящий момент он возвращался с заседания следственной комиссии из Малайи⁴. По его мнению, оно было на редкость скучным. Его коллеги по комиссии, как ему показыва-

⁴ Хотя в 1970 г. британская колония, называемая в метрополии Малайя, уже получила независимость и стала Малайзией,

лось, заранее решили, каковы будут их заключения. Они смотрели и слушали, но это никак не повлияло на их уже сформировавшиеся взгляды. Стаффорд вставил им несколько палок в колеса – скорее забавы ради, нежели из каких-либо убеждений. Во всяком случае, это ожидало заседание. Он жалел, что у него не было еще больше возможностей для этого. Члены комиссии были здравомыслящими, достойными людьми – и на редкость скучными. Даже знаменитая миссис Натаниэль Эдж, единственная женщина в составе комиссии, известная своей склонностью к всевозможным навязчивым идеям, проявляла благоразумие, когда дело сводилось к простым фактам. Она смотрела, слушала и действовала вполне эффективно.

Сэр Най встречался с нею однажды, когда возникла необходимость найти решение проблемы в столице одного из балканских государств. Тогда Стаффорд не смог удержаться от озвучивания нескольких интересных предложений. В журнале «Инсайд ньюс», любившем скандалы, высказывалось предположение, будто присутствие сэра Стаффорда Ная в этой столице было непосредственно связано с балканской проблемой и его миссия носила в высшей степени секретный, деликатный характер. Один из друзей прислал Стаффорду этот номер, где соответствующий абзац был помечен карандашом. Сэра Ная это отнюдь не удивило. Он прочитал заметку с довольной ухмылкой на лице. Его немало позабавила мысль о том, насколько далеки от истины оказались журналисты в этом нелепом предположении. Своим присутствием в Софии Стаффорд был обязан исключительно невинному интересу к редким дикорастущим цветам, а также настойчивым просьбам престарелой леди Люси Кле-гхорн, с которой он давно дружил и которая не знала устали в поисках этих дурацких цветков. Она была готова в любой момент ловко вскарабкаться на скалу или лихо прыгнуть в болото за каким-нибудь редким экземпляром, длина латинского названия которого, как правило, обратно пропорциональна его размерам.

Небольшая группа энтузиастов занималась этими ботаническими изысканиями на склонах гор уже в течение десяти дней, когда Стаффорд пожалел, что заметка не отражает истины. Он немного – только лишь немного – устал от дикорастущих цветов. Несмотря на нежные чувства, испытываемые им к Люси, неумная энергия, с какой она носилась по склонам холмов в свои шестьдесят с лишним лет, легко обгоняя его, иногда вызывала у него раздражение. Перед его глазами постоянно мелькали ее штаны из рубчатого вельвета роскошного ярко-синего цвета, и хотя Люси обычно выглядела достаточно худой, теперь – одному богу известно почему – ее бедра казались ему слишком широкими. Славный маленький пирог, состряпанный на кухне международной политики, подумал он, в который можно было бы запустить пальцы и что-нибудь вылепить...

В салоне самолета вновь раздался металлический голос громкоговорителя. Он сообщил о том, что вследствие густого тумана над Женевой самолет совершит посадку в аэропорту Франкфурта, а оттуда полетит в Лондон. Пассажиры, следующие в Женеву, отправятся туда сразу, как только появится такая возможность. Сэру Стаффорду Наю было все равно. Если в Лондоне тоже туман, самолет, скорее всего, сядет в Прествике, аэропорту Глазго. Он надеялся, что этого не случится. В Прествике ему доводилось бывать слишком часто. Воздушные путешествия, как и сама жизнь, чрезвычайно утомительны. Если только... Он не знал – если только – *что?*

II

В зале для транзитных пассажиров аэропорта Франкфурта было тепло. Сэр Стаффорд Най расстегнул плащ и распахнул его, обнажив эффектную алую подкладку. Потягивая пиво, он рассеянно слушал объявления, доносившиеся из громкоговорителя.

– Рейс сорок три восемьдесят семь, следующий в Москву... Рейс двадцать три восемьдесят один, следующий в Египет и Калькутту...

Путешествия по всему миру – как это, должно быть, романтично! Однако атмосфера зала для транзитных пассажиров не позволяла настроиться на романтический лад: слишком много людей, слишком много киосков с всевозможными товарами, слишком много одинаково окрашенных кресел, слишком много пластика, слишком много плачущих детей. Он попытался вспомнить, кому принадлежат слова: «Хотел бы я любить Человечество; хотел бы я любить его глупое лицо»⁵. Может быть, Честертон? Стаффорд мог бы подписаться под этими словами. Когда достаточно много людей собирается вместе, они выглядят настолько угнетающе похожими друг на друга, что это просто невыносимо. Если бы появилось интересное лицо, подумал он, что это изменило бы? Стаффорд бросил пренебрежительный взгляд на двух молодых женщин, великолепно накрашенных, одетых в национальную униформу их страны, Англии, – в мини-юбки, которые с каждым годом становились все короче, – а потом на другую молодую женщину, еще более изысканно накрашенную, довольно привлекательную, одетую в нечто, называемое, если он не ошибался, кюлотами. По стезе следования моде она продвинулась чуть дальше остальных.

Стаффорда не особенно интересовали привлекательные девушки, которые ничем не отличались от всех остальных привлекательных девушек. Ему хотелось увидеть человека, не похожего на других. На соседнее с ним пластиковое кресло с сиденьем, обитым искусственной кожей, села какая-то женщина. Ее лицо моментально привлекло внимание сэра Найа. И вовсе не потому, что оно отличалось от других – лицо женщины даже показалось ему знакомым. Он не мог вспомнить, где и когда видел ее прежде, но был уверен, что встречался с нею. Двадцать пять или двадцать шесть лет, тонко очерченный римский нос, густая копна темных волос, ниспадавших на плечи. Она держала перед собой журнал, но смотрела не в него, а на Стаффорда – и довольно пристально. Неожиданно женщина заговорила глубоким контральто, и оно звучало почти так же низко, как мужской голос. В нем чувствовался легкий иностранный акцент.

– Могу я поговорить с вами? – спросила она.

Он окинул ее изучающим взглядом. Нет, на проститутку она явно не походила. Тут было что-то другое.

– Не вижу причины, почему бы вам не поговорить со мной, – ответил он. – У нас, похоже, масса времени.

– Туман, – сказала женщина. – Туман в Женеве; наверное, и в Лондоне тоже. Всюду туман. Не знаю, что делать.

– О, не стоит беспокоиться, – ободряюще сказал сэр Най. – Куда-нибудь вас обязательно доставят. Авиакомпании работают довольно эффективно. А куда вы летите?

– Я летела в Женеву.

– Надеюсь, в конце концов вы туда попадете.

– Я должна находиться там *сейчас*. Если я доберусь до Женевы, все будет в порядке. Меня там кое-кто встретит. Я буду в безопасности.

– В безопасности? – Его губ коснулась легкая улыбка.

– Сегодня мало кого заботит безопасность. А она может иметь очень большое значение. Для меня, к примеру, она имеет жизненно важное значение.

После некоторой паузы женщина заговорила вновь:

– Видите ли, если я не смогу прибыть в Женеву, если мне придется оставить этот самолет здесь или лететь на нем в Лондон, не урегулировав кое-какие дела, меня убьют. – Она быстро взглянула на него. – Вероятно, вы не верите мне.

⁵ Строчки из стихотворения английского ученого и поэта сэра Уолтера Рэли (1861–1922).

- Боюсь, что не верю.
- Тем не менее это правда.
- Кто хочет убить вас?
- Для вас это важно?
- Нет.

– Можете поверить мне, если хотите поверить. Я говорю истинную правду. Мне нужна помощь. Я должна попасть в Лондон.

- А почему вы выбрали в помощники именно меня?

– Мне кажется, вам кое-что известно о смерти. Вы знаете, что такое смерть, и, вероятно, видели ее.

Сэр Стаффорд Най пристально посмотрел на нее и снова отвел взгляд в сторону.

- Какие-нибудь другие причины? – спросил он.
- Да. Вот это.

Женщина протянула узкую руку оливкового цвета и прикоснулась к складкам его объемистого плаща.

У него впервые проснулся интерес.

- Что вы хотите этим сказать?
- Этот плащ весьма необычен. Так все подряд не одеваются.
- Да, пожалуй. Назовем это одной из моих причуд.
- Эта причуда может оказаться для меня полезной.
- Что вы имеете в виду?

– Я кое о чем спрошу вас. Вероятно, вам не захочется отвечать, но, может быть, и захочется, поскольку, мне кажется, вы принадлежите к мужчинам, которые готовы брать на себя риск. Как я принадлежу к женщинам, которые берут на себя риск.

- Я слушаю вас, – сказал он с едва заметной улыбкой.

– Мне нужен ваш плащ. Мне нужен ваш паспорт. Мне нужен ваш билет на самолет. Минут через двадцать объявят посадку на лондонский рейс. Я возьму ваш паспорт, надену ваш плащ и смогу благополучно добраться до Лондона.

- Вы хотите сказать, что выдадите себя за меня? Не говорите ерунды.

Она открыла свою сумочку и извлекла из нее маленькое квадратное зеркальце.

- Посмотрите сначала на меня, а потом на свое отражение в зеркале.

И тогда Стаффорд увидел перед собой то, что смутно брезжило в его сознании. Образ сестры Памелы, умершей около двадцати лет назад. Они с нею всегда были похожи. У нее был несколько мужской тип лица, а его лицо – во всяком случае, в молодости, – наоборот, отличалось слегка женственными чертами. Их роднили орлиный нос, чуть наклонный разлет бровей и даже манера улыбаться одними уголками губ. Памела была высокой и имела рост пять футов восемь дюймов, он – пять футов десять дюймов...

Сэр Най взглянул на женщину, протягивавшую ему зеркальце.

– Между нами существует некоторое внешнее сходство, вы это имеете в виду? Но, дорогая моя, оно не обманет тех, кто знает меня или вас.

– Конечно, не обманет. Но неужели вы не понимаете? Это не имеет никакого значения. Я сяду на самолет в слаксах. Когда вы летели сюда, у вас на голову был натянут капюшон вашего плаща, скрывавший лицо. Мне нужно лишь отрезать волосы, завернуть их в газету и выбросить в мусорную корзину. После этого я надену ваш бурнус, возьму у вас посадочный талон, билет и паспорт. Если на борту самолета не будут присутствовать ваши знакомые – а я думаю, что если даже и будут, то они наверняка уже побеседовали с вами, – то я вполне смогу сойти за вас. При предъявлении паспорта у меня из-под капюшона будут видны только нос, глаза и рот. После посадки в аэропорту мне удастся благополучно уйти, поскольку никто не узнает, что я прилетела на этом самолете, и исчезнуть, смешавшись с лондонской толпой.

– А что буду делать я? – спросил Стаффорд с легкой улыбкой.

– Я могу предложить вам кое-что, если у вас хватит смелости выслушать меня.

– Предлагайте, – сказал он. – Я всегда любил выслушивать предложения.

– Вы подниметесь, выйдете из зала и купите газету, журнал или сувенир. А свой плащ оставите здесь, на кресле. Вернувшись с покупкой, сядете где-нибудь в другом месте – скажем, в конце ряда напротив. Перед вами будет стоять бокал, вот этот самый. Его содержимое вызовет у вас сон. Засните где-нибудь в укромном уголке.

– Что будет потом?

– По всей вероятности, вы станете жертвой ограбления, – сказала она. – Кто-нибудь подсыплет вам в бокал снотворное и украдет у вас бумажник. Что-то в этом роде. Вы называете себя и заявляете, что у вас украли паспорт и вещи. Вам будет несложно удостоверить вашу личность.

– Вы знаете, кто я? То есть вам известно мое имя?

– Пока нет, – ответила женщина. – Я еще не видела ваш паспорт. Понятия не имею, кто вы такой.

– И тем не менее говорите, что мне будет несложно удостоверить мою личность...

– Я хорошо разбираюсь в людях и могу определить, кто что-то собой представляет, а кто – нет. Вы явно что-то собой представляете.

– Но почему я должен делать все это?

– Наверное, потому, что не хотите допустить гибели человека.

– Вы не находите, что все это звучит весьма экстравагантно?

– Да, я понимаю, вам нелегко мне поверить. Но все-таки, вы мне верите?

Сэр Най в раздумье посмотрел на нее.

– Знаете, на кого вы похожи? На прекрасную шпионку из какого-нибудь триллера.

– Может быть. Но я отнюдь не прекрасна.

– И не шпионка?

– Вероятно, меня можно было бы назвать и так. Я располагаю информацией, которую хочу сохранить в тайне. Вам придется поверить мне на слово: эта информация представляет немалую ценность для вашей страны.

– Вам не кажется, что это выглядит довольно нелепо?

– Кажется. Если б это было написано на бумаге, то выглядело бы нелепо. Но очень многие нелепые на первый взгляд вещи оказываются истинными, разве нет?

Стаффорд снова посмотрел на нее. Она была очень похожа на Памелу. Ее голос напоминал голос его сестры, хотя в нем звучали незнакомые интонации. Ее предложение представлялось абсурдным, нелепым, невероятным и даже опасным. Опасным для него. К сожалению, именно это его в нем и привлекало. Набраться смелости, чтобы сделать ему подобное предложение!.. Интересно, что из этого выйдет?

– Хотелось бы знать, что я с этого буду иметь? – спросил он.

Женщина испытующе посмотрела на него.

– Приключение. Возможность отвлечься от повседневной рутины. Противоядие от скуки. У нас мало времени. Решайте.

– А что случилось с *вашим* паспортом? Мне что, придется купить парик, если, конечно, здесь продаются подобные вещи, и прикинуться женщиной?

– Нет, об этом речь не идет. Вас ограбили, подсыпав вам снотворное, и вы остаетесь самим собой. Подумайте. Нужно спешить. Время летит очень быстро. Мне еще предстоит поработать над своей внешностью.

– Уговорили, – сдался он. – Никогда не следует отказываться, если вам предлагают что-то необычное.

– Я надеялась, что вы согласитесь, но уверенности у меня не было.

Стаффорд Най вытащил из кармана пиджака паспорт и переложил его в карман плаща. Затем поднялся на ноги, зевнул, огляделся, посмотрел на часы и направился к торговому киоску, в витрине которого были выставлены различные товары, даже не обернувшись. Купив книгу в мягкой обложке, он осмотрел и ощупал несколько маленьких плюшевых зверушек – прекрасный подарок для ребенка. В конце концов его выбор остановился на панде. Окинув взглядом зал, он вернулся к креслу, на котором сидел. Плащ исчез. Вместе с девушкой. На столике все еще стоял его бокал с недопитым пивом. Вот в чем заключается риск, который я беру на себя, подумал сэр Най. Взяв со стола бокал, он не спеша выпил его содержимое. На вкус оно было примерно таким же, как и прежде.

– Интересно, что будет дальше, – вполголоса произнес Стаффорд.

Он поднялся с кресла и прошел в дальний угол зала, где обосновалось довольно шумное семейство. Оттуда доносились громкие голоса и смех. Сэр Най сел неподалеку от них, зевнул и откинул голову на спинку кресла. Объявили рейс на Тегеран. Многие пассажиры поднялись и выстроились в очередь у выхода на посадку. Зал оставался наполовину пустым. Сэр Най открыл купленную книгу и снова зевнул. Сейчас ему действительно хотелось спать... очень хотелось спать... Нужно было подумать, где лучше всего расположиться для сна. Где-нибудь, где он может остаться...

Диктор объявил посадку на самолет «Трансевропейских авиалиний», рейс 309 до Лондона.

III

И опять множество пассажиров поднялись с кресел и направились к указанному выходу на посадку. Впрочем, к этому времени зал заполнило еще большее количество новых транзитных пассажиров. Из громкоговорителя доносились объявления о задержках рейсов по разным причинам, в том числе и женевского – все из-за того же тумана. Стройный мужчина в темно-синем плаще с красной подкладкой, с коротко стриженной головой под капюшоном, чьи волосы были растрепаны не более чем у многих современных молодых людей, шел в сторону выхода на посадку, чтобы встать в очередь. Предъявив посадочный талон, он прошел через выход № 9.

Последовало еще несколько объявлений. Самолет «Свисс эйр» летел в Цюрих, самолет ВЕА – в Афины и на Кипр. И тут прозвучало объявление другого рода:

– Просим мисс Дафну Теодофанос, следующую до Женевы, подойти к столу регистрации. Рейс до Женевы отложен из-за тумана. Следующие туда пассажиры полетят через Афины. Самолет к вылету готов.

Далее диктор сделал несколько объявлений для пассажиров, следовавших в Японию, Египет, Южную Африку. Авиалинии опутали весь мир. Мистера Сидни Кука, следовавшего в Южную Африку, приглашали к столу регистрации, где его ждало сообщение. Затем вновь пригласили на посадку мисс Дафну Теодофанос.

– Это последнее объявление перед отправлением рейса триста девять.

В углу зала маленькая девочка смотрела на мужчину в темном костюме, который крепко спал. Его голова покоилась на спинке кресла. В руке он держал маленькую плюшевую панду.

Когда рука маленькой девочки потянулась к панде, ее мать сказала:

– Джоан, не трогай. Бедный джентльмен спит.

– Интересно, куда он летит?

– Наверное, в Австралию, как и мы, – сказала мать.

– У него маленькая дочь, такая, как я?

– Скорее всего.

Маленькая девочка вздохнула и снова посмотрела на панду. Сэр Стаффорд Най продолжал крепко спать. Ему снилось, будто он пытается застрелить леопарда во время сафари. «Очень опасный зверь, – говорил он своему проводнику. – Леопарду нельзя доверять ни в коем случае».

Потом, как это часто бывает во сне, вместо сафари сэр Най оказался за столом вместе со своей теткой Матильдой. Они пили чай, и он никак не мог докричаться до нее, поскольку она страдала глухотой в большей степени, нежели обычно. Он не слышал объявлений – кроме первого, обращенного к Дафне Теодофанос.

– Знаешь, – сказала мать маленькой девочки, – почти всегда, куда бы ты ни летел, не могут найти кого-то из пассажиров. Человек либо не услышал объявление, либо что-нибудь еще в этом роде. Я всегда думаю, что это за люди и почему они не являются на посадку. Думаю, эта мисс – как ее там – не успеет на свой самолет. Что тогда они будут с нею делать?

Никто не мог ответить на этот вопрос, поскольку никто не располагал необходимой информацией.

Глава 2. Лондон

Квартира сэра Стаффорда Ная производила чрезвычайно приятное впечатление. Ее окна выходили на Грин-парк. Он включил кофеварку и пошел ознакомиться с утренней почтой. Ничего особенного: несколько писем с малоинтересными почтовыми марками, пара счетов и квитанция. Стаффорд просмотрел их и положил на стол, где уже лежала корреспонденция, накопившаяся за последние два дня. Он подумал, что нужно разобрать все это, не откладывая в долгий ящик. Его секретарь должен был прийти во второй половине дня.

Сэр Най вернулся в кухню, налил себе кофе, поставил чашку на стол и выбрал два или три письма, вскрытые еще вчера вечером, после возвращения домой. Читая одно из них, он улыбнулся и произнес вслух:

– Одиннадцать тридцать. Вполне подходящее время. Нужно кое о чем поразмыслить и подготовиться к встрече с Четуйндом.

Что-то упало в почтовый ящик. Стаффорд вышел в коридор и вытащил из него утреннюю газету. Там не было ничего интересного: политический кризис, международные новости, которые могли бы быть расценены как тревожные, хотя он этого не находил. Просто журналист выпускал пар и пытался придать событиям большее значение, нежели они имели в действительности. Людям нужно было что-то читать. Девушка задушена в парке. Девушек всегда душили, по одной в день, цинично подумал он. Ни одного похищенного или изнасилованного ребенка. Это был приятный сюрприз. Стаффорд съел тост и запил его кофе.

Спустя некоторое время он вышел из дома и направился через парк в сторону Уайтхолла. На его губах играла улыбка. Этим утром у него было ощущение, что жизнь не так уж плоха. В голову ему пришла мысль о Четуйнде. Это был полный идиот. Презентабельная внешность, важный вид и чрезмерная подозрительность. Но ему было необходимо поговорить с ним.

Он достиг Уайтхолла на вполне простительные семь минут позже условленного времени. В конце концов, по своей значимости Четуйнд не мог никоим образом сравниться с ним. Когда Стаффорд вошел, Четуйнд сидел за столом, заваленным бумагами, – как всегда, с важным видом. В комнате кроме него находился секретарь.

– Доброе утро, Най, – сказал Четуйнд, улыбаясь всем своим симпатичным лицом. – Рады, что вернулись? Как Малайя?

– Жарко, – ответил сэр Най.

– Я в этом не сомневаюсь. Надеюсь, только в метеорологическом смысле, но не в политическом?

– О, исключительно в метеорологическом, – ответил Стаффорд.

Он принял предложенную ему сигарету и сел в кресло.

– Вы добились каких-нибудь результатов, достойных обсуждения?

– Едва ли это можно назвать результатами. Я отослал отчет. Как обычно, пустая болтовня. Ну а как Лэйзенби?

– О, как всегда, сплошное занудство. Он никогда не изменится, – ответил Четуйнд.

– Да, на это вряд ли стоит рассчитывать. Я никогда прежде не работал с Баскомбом. Он может быть довольно забавным, когда захочет.

– В самом деле? Я не очень хорошо знаю его... Да, наверное, может.

– Ну ладно. Больше никаких новостей?

– Нет. Ничего такого, что, на мой взгляд, могло бы заинтересовать вас.

– В своем письме вы не написали, для чего хотите видеть меня.

– О, просто побеседовать, только и всего. Вдруг вы привезли какую-нибудь интересную информацию. Дабы мы были подготовлены. Знаете ли, вопросы в парламенте и все такое прочее...

– Понятно.

– Вы ведь возвращались самолетом, не так ли? Насколько мне известно, у вас возникли какие-то проблемы.

Стаффорд изобразил на лице выражение, которое решил изобразить заранее, – небольшое сожаление с легкой примесью раздражения.

– О, вы уже слышали об этом? – спросил он. – Дурацкий случай.

– Да. Да, очевидно.

– Удивительно, как быстро самые незначительные происшествия становятся достоянием прессы. Уже в сегодняшней утренней газете появилось экстренное сообщение.

– Я полагаю, вы предпочли бы, чтобы оно не появлялось?

– Дело в том, что в результате я теперь выгляжу немного ослом, вам не кажется? – сказал сэр Най. – И это в моем-то возрасте!

– А что все-таки произошло в действительности? У меня такое ощущение, что газетчики несколько преувеличили.

– Они выжали из этого инцидента все, что можно. Вы знаете, как утомляют эти дальние путешествия. В Женеве был туман, и поэтому самолет приземлился во Франкфурте. Там пришлось ждать еще целых два часа.

– Там это и случилось?

– Да. В этих аэропортах страшная тоска. Самолеты прилетают и улетают. Без конца объявления по громкоговорителю. Рейс триста два вылетает в Гонконг. Рейс сто девять вылетает в Ирландию. Люди поднимаются и идут на посадку. А ты сидишь и зеваешь.

– Так что же все-таки с вами произошло? – спросил Четуайнд.

– Передо мной на столике стоял бокал с пивом «Пилзнер». За время поездки я прочитал все, что у меня было с собою, и поэтому решил пойти купить какую-нибудь книгу или журнал. В киоске я приобрел детектив в мягкой обложке и плюшевую игрушку для своей племянницы. Вернулся на свое место, допил пиво, открыл книгу – и уснул.

– Так, понятно. Вы уснули.

– Вполне естественно, не правда ли? Думаю, мой рейс объявляли, но я ничего не слышал. Очевидно, я не услышал объявление по определенной причине. Я способен заснуть в аэропорту в любой момент, но при этом также способен услышать объявление, касающееся меня. На сей раз я его не услышал. Проснувшись или придя в себя – как вам больше нравится, – я обнаружил, что мне оказывают медицинскую помощь. По всей видимости, кто-то подсыпал в мой бокал «микки финн»⁶ или что-нибудь в этом роде. Должно быть, в тот момент, когда я отходил, чтобы купить книгу.

– Удивительный случай, вы не находите? – произнес Четуайнд.

– Ну вообще-то прежде со мной ничего подобного не случалось, – сказал Стаффорд Най. – И надеюсь, никогда больше не случится. Чувствуешь себя полным идиотом. К тому же еще и похмелье. Мною занимались врач и медсестра. Большого ущерба я не понес. У меня вытащили бумажник и паспорт. Разумеется, это было неприятно. К счастью, денег у меня при себе было немного. Дорожные чеки хранились во внутреннем кармане моего пиджака. Потеря паспорта всегда влечет за собой бюрократическую волокиту, но у меня имелись письма и другие документы, так что мою личность установили довольно быстро, и я улетел очередным рейсом в Лондон.

⁶ «Микки финн», «сонное зелье», – вещество, добавляемое в напиток и приводящее человека в бесчувственное состояние; названо по имени чикагского бармена, обиравшего таким образом своих заснувших клиентов.

– Все же это доставило вам большие неудобства, – заметил Четуйнд. – Учитывая ваш статус... – В его голосе прозвучали нотки неодобрения.

– Да, – согласился сэр Най. – Выгляжу я не в самом выгодном свете, не правда ли? Я хочу сказать, не в столь ярком свете, в каком подобает выглядеть человеку... моего статуса. – Эта мысль, похоже, позабавила его.

– Вы выясняли, такое часто случается?

– Не думаю, что это обычное происшествие. Но подобное вполне вероятно. Ни один профессиональный вор не оставит без внимания спящего человека и не упустит возможности залезть ему в карман, чтобы поживиться бумажником или другими ценностями.

– Но лишиться паспорта – это серьезная неприятность.

– Да, теперь мне придется обращаться с просьбой о выдаче нового паспорта и, наверное, давать унижительные объяснения. Как я уже говорил, это дурацкий случай. И – будем смотреть правде в глаза, Четуйнд, – это не делает мне чести, не так ли?

– Но ведь в этом нет вашей вины, дорогой мой. Такое могло произойти с кем угодно.

– Очень любезно с вашей стороны, – сказал Стаффорд с улыбкой. – Это послужит мне хорошим уроком.

– Вы не допускаете, что кто-то мог специально охотиться за вашим паспортом?

– Не думаю, – ответил сэр Най. – Кому и зачем мог понадобиться мой паспорт? Если только кто-то хотел насолить мне, но это представляется маловероятным. Или, может быть, кому-то понравилась моя фотография в паспорте – но это еще менее вероятно!

– Вам никто не попадался на глаза из знакомых в этом... как он называется... во Франкфурте?

– Нет-нет, никто.

– Разговаривали с кем-нибудь?

– Совсем немного. Побеседовал с одной симпатичной полной женщиной, которая пыталась развлечь своего маленького ребенка. Она была из Уигана и летела в Австралию. Больше на память мне никто не приходит.

– Вы уверены?

– Еще одна женщина спросила, что ей делать, если она хочет заниматься археологией в Египте. Я ответил, что ничего об этом не знаю, и посоветовал ей обратиться в Британский музей. Перекинулся парой слов с одним мужчиной, ярым противником вивисекции...

– Не могу избавиться от ощущения, что за этим что-то кроется.

– За чем «за этим»?

– За тем, что произошло с вами.

– Я не знаю, что за этим может крыться, – сказал Стаффорд. – Конечно, журналисты могут раздуть из этого сенсацию, по этой части они большие мастера. И все же я считаю, что это просто дурацкий случай. Ради всего святого, давайте забудем об этом. Теперь, когда сообщение об этом появилось в прессе, мои друзья станут задавать мне вопросы... Как старик Лиланд? Чем он сейчас занимается? Находясь в Малайе, я кое-что слышал о нем. Лиланд всегда слишком много говорит.

Они поговорили еще минут десять о делах, после чего Стаффорд поднялся с кресла и откланялся.

– Мне еще предстоит сегодня покупать подарки, – сказал он. – Проблема в том, что когда человек едет в Малайю, все его родственники ждут, что он привезет им оттуда экзотические сувениры. Наверное, поеду в «Либерти» – там большой ассортимент восточных товаров.

Стаффорд вышел бодрым шагом из комнаты и двинулся по коридору, кивая попадавшимися навстречу знакомым.

После его ухода Четуйнд снял телефонную трубку и связался с секретарем.

– Позвоните полковнику Монро и спросите, может ли он зайти ко мне.

Спустя несколько минут в комнату вошел полковник Монро в сопровождении мужчины среднего возраста.

– Не знаю, знакомы ли вы с Хоршэмом из Службы безопасности, – сказал он.

– Кажется, мы встречались, – отозвался Четуйинд.

– От вас только что вышел Най, не так ли? – спросил полковник Монро. – В этой истории с Франкфуртом что-то есть? Я имею в виду, на что нам следует обратить внимание?

– По-моему, нет, – ответил Четуйинд. – Он немного расстроен, поскольку считает, что выглядит глупым ослом, – и это, конечно, соответствует истине.

Человек по имени Хоршэм согласно кивнул.

– Он именно так на эту ситуацию и смотрит, разве нет?

– Ну, он пытается делать вид, будто ничего не случилось, – сказал Четуйинд.

– Все равно, – сказал Хоршэм, – он вовсе не глупый осел.

Четуйинд пожал плечами:

– Всякое бывает.

– Я знаю, – сказал полковник Монро. – Да-да, знаю. И тем не менее я всегда чувствовал, что Най в определенном смысле немного непредсказуем. В определенном смысле он может быть *неблагоразумен* в своих взглядах.

– Против него ничего нет, – сказал Хоршэм. – Совсем ничего, насколько нам известно.

– О, я вовсе не имел в виду, что на него должно что-то быть, – сказал Четуйинд. – Просто... как это сказать?.. Он не всегда серьезно относится к делу.

У мистера Хоршэма были усы. Он считал полезным иметь усы. Они помогали ему скрыть улыбку, когда он не мог ее сдержать.

– Он отнюдь не глупец, – сказал Монро. – У него светлая голова. Вы не находите в этой ситуации ничего сомнительного?

– С его стороны? Да вроде нет.

– Вы разобрались с этим делом, Хоршэм?

– Пока у нас было не так много времени, но, похоже, всё в порядке. Однако его паспортом воспользовались.

– Воспользовались? Каким образом?

– Он был предъявлен в Хитроу.

– Вы хотите сказать, кто-то выдал себя за сэра Стаффорда Ная?

– Нет-нет, – сказал Хоршэм, – не совсем так. Такое вряд ли возможно. Просто его паспорт прошел регистрацию вместе с другими паспортами. Подозрения ни у кого не возникло. Думаю, в тот момент Най еще не отошел от воздействия снотворного и все еще находился во Франкфурте.

– Но ведь кто-то мог украсть у него паспорт, сесть на самолет и прилететь в Англию?

– Да, это вполне вероятно, – сказал Монро. – Либо кто-то случайно вытащил у него паспорт вместе с бумажником, либо кому-то был нужен именно паспорт, и он выбрал сэра Стаффорда Ная в качестве наиболее подходящей жертвы. На столе стоял бокал с недопитым пивом; достаточно было лишь всыпать туда снотворное, дожидаться, когда человек заснет, и вытащить у него паспорт.

– Но, в конце концов, сотрудники аэропорта смотрели в паспорт. Они должны были заметить, что человек не тот, – сказал Четуйинд.

– Вор наверняка имел определенное внешнее сходство с Наем, – сказал Хоршэм, – и поэтому не вызвал подозрений. В связи с задержкой рейса собирается большая толпа. Лицо человека, более или менее, похоже на фотографию в паспорте. Вот и всё. Быстрый взгляд, паспорт возвращается владельцу, тот проходит на борт самолета. К тому же обычно внимание обращают на *иностранцев*, а не на британцев. Темные волосы, синие глаза, чисто

выбрит, рост около пяти футов десяти дюймов. Вот и все, что нам известно. Никто с такими данными в списке нежелательных для въезда иностранцев не фигурирует.

– Знаю, знаю. И все же, если бы кто-то просто хотел украсть бумажник с деньгами, он не стал бы пользоваться паспортом. Слишком рискованно.

– Да, – сказал Хоршэм, – это интересный момент. Разумеется, мы проводим расследование, задаем вопросы разным людям.

– И какое у вас сложилось мнение?

– Сейчас мне не хотелось бы говорить об этом, – ответил Хоршэм. – Требуется некоторое время. Не нужно торопить события.

– Эти дьяволы из Службы безопасности не меняются, – сказал полковник Монро, когда за Хоршэмом закрылась дверь. – Никогда ничего толком не скажут. Если они считают, что напали на след, никогда этого не признают.

– Ну так это естественно, – отозвался Четуйнд. – Они могут и ошибиться.

Это была типично политическая точка зрения.

– Хоршэм знает свое дело, – сказал Монро. – Начальство его высоко ценит. Он почти никогда не ошибается.

Глава 3. Человек из химчистки

Сэр Стаффорд Най вернулся в свою квартиру. Из маленькой кухни выскочила крупная женщина и тут же затараторила:

– Слава богу, сэр, вы вернулись и всё в порядке. Эти ужасные самолеты. Может случиться все, что угодно, верно?

– Совершенно верно, миссис Уоррит, – согласился сэр Най. – Самолет задержался на два часа.

– То же самое и с автомобилями, – продолжала миссис Уоррит. – Никогда не знаешь, в какой момент они сломаются. Но все-таки лететь по воздуху как-то страшнее, правда? К обочине уже не прижмешься. Ни за что на свете не села бы на самолет.

Несколько секунд она молчала.

– Я тут кое-что заказала в магазине – яйца, масло, кофе, чай...

Слова лились из нее, словно из египетского гида, показывающего туристам дворец фараона.

– Вот, – произнесла миссис Уоррит, переведя дыхание. – Думаю, это все, что вам может понадобиться, сэр. Я заказала также французскую горчицу.

– Не дижонскую? Они всегда пытаются всучить дижонскую.

– Я не знаю, о чем вы говорите, но это «Эстер драгон», которая вам нравится, не так ли?

– Именно так, – сказал Стаффорд. – Вы просто чудо.

Миссис Уоррит была явно польщена. Она направилась обратно в кухню, в то время как сэр Най взялся за ручку двери спальни, собираясь войти туда.

– Правильно я сделала, сэр, что отдала вашу одежду джентльмену, который за ней зашел? Перед отъездом вы ничего об этом не говорили.

– Какую одежду?

Стаффорд застыл на месте.

– Два костюма. Джентльмен сказал, что пришел за ними. Из «Туисс и Бониуорк» – так, кажется, они называются. Если не ошибаюсь, у нас были какие-то проблемы с прачечной «Уайт суон»...

– Два костюма? – в недоумении спросил сэр Най. – Какие костюмы?

– Ну, один из них тот, в котором вы ездили по Англии, сэр. Я решила, что именно он нужен джентльмену. Насчет второго я не была вполне уверена, но потом на глаза мне попался костюм в синюю полоску, относительно которого вы не отдавали никаких распоряжений, когда уезжали. Он не нуждался в чистке, но обшлаг правого рукава требовал починки. Я не хотела сама относить его в мастерскую, пока вы в отъезде. Я вообще не люблю делать подобные вещи.

Последнюю фразу миссис Уоррит произнесла с видом смиренной добродетели.

– Стало быть, этот парень, кто бы он ни был, забрал эти костюмы?

– Надеюсь, я не сделала ничего плохого, сэр. – На лице миссис Уоррит отразилось беспокойство.

– Я не возражаю против того, что он унес костюм в синюю полоску. Это даже к лучшему. Что касается костюма, в котором я езджу по Англии...

– Видите ли, сэр, у него слишком тонкая ткань для этого времени года. Он подходит для тех мест, откуда вы сейчас приехали, где жарко. И почистить его не мешало. Джентльмен, который приходил за костюмами, сказал, что вы звонили по их поводу.

– Он сам забирал их из моей комнаты?

– Да, сэр. Я подумала, что так будет лучше.

– Очень интересно, – сказал Стаффорд. – Да, очень интересно.

Войдя в спальню, он огляделся. В комнате царил порядок. Чувствовалась рука миссис Уоррит: кровать тщательно заправлена, электробритва включена в сеть, вещи на туалетном столике аккуратно разложены.

Сэр Най подошел к гардеробу, открыл дверцу и заглянул внутрь. Затем проверил ящики высокого комода, стоявшего у стены рядом с окном. Все было в полном порядке. Даже в большем порядке, чем должно было быть. Прошлым вечером он распаковал небольшую часть своего багажа, небрежно засунул в ящик нижнее белье и разные мелочи и не стал аккуратно раскладывать их. Он сделал бы это сам либо сегодня, либо завтра, и не ожидал, что миссис Уоррит сделает это за него. Возвращаясь из-за границы, Стаффорд всегда специально отводил время для распаковывания багажа и раскладывания вещей.

Итак, кто-то тщательно осмотрел всё в его комнате, выдвинул ящики, спешно проверил их содержимое, а затем уложил вещи – более аккуратно, чем это сделал бы он сам. Быстро произведя обыск, он вынес два костюма, приведя правдоподобное объяснение. Один, который Стаффорд носил во время поездки, и второй – из тонкой ткани, который он мог взять с собой за границу и потом привезти обратно. Но зачем?

– Затем, – медленно произнес сэр Най, обращаясь к самому себе, – что этот кто-то что-то искал.

Но что? И кто он? И по какой причине он это делал? Да, это было интересно...

Он сел в кресло и задумался. Его взгляд скользнул по столу, стоявшему возле кровати, на котором в довольно развязной позе сидела маленькая пушистая панда. Ее вид навел его на мысль. Он подошел к телефону и набрал номер.

– Тетушка Матильда? Это Стаффорд.

– А-а, мой дорогой мальчик, ты вернулся... Я очень рада. В газетах пишут, что вчера в Малайе вспыхнула эпидемия холеры – по крайней мере, мне кажется, что это была Малайя. Я всегда путаю эти места. Надеюсь, ты в скором времени наведишь меня? Только не говори, что ты занят. Ты все время занят. Все эти магнаты, промышленники только и говорят что о поглощениях, слияниях. Я до сих пор понятия не имею, что это означает. Раньше это означало делать свою работу должным образом, а теперь означает вещи, связанные с атомными бомбами и заводами из бетона.

В голосе тетушки Матильды зазвучали нотки негодования.

– А эти ужасные компьютеры, которые перевирают цифры, не говоря уже о том, что они искажают их форму... В самом деле, они так усложнили нам жизнь! Ты не представляешь, что они творят с моим банковским счетом! И с моим почтовым адресом тоже. Наверное, я слишком зажилась на этом свете.

– Вы сами в это не верите! Что, если я заеду к вам на следующей неделе?

– Если хочешь, приезжай завтра. Правда, ко мне должен пожаловать на обед викарий, но я легко могу отменить этот визит.

– О, нет нужды делать это ради меня.

– Есть нужда. Он совершенно невыносим, к тому же ему нужен новый орган. Старый еще в хорошем состоянии. Дело не в органе, а в органисте. Он просто ужасен. Викарий жалеет его, поскольку тот потерял мать, которую очень любил. Однако любовь к матери не способствует совершенствованию игры на органе, не правда ли?

– Чистая правда. Я заеду к вам на следующей неделе – у меня есть кое-какие дела. Как Сибил?

– Очень озорная, но такая забавная!

– Я привез ей плюшевую панду, – сказал сэр Стаффорд Най.

– Очень мило с твоей стороны, дорогой.

– Надеюсь, она ей понравится.

Встретившись взглядом с блестящими глазами панды, Стаффорд почувствовал, как по его спине пробежал неприятный холодок.

– Ну, во всяком случае, она обладает очень хорошими манерами, – сказала тетушка Матильда, и в ее голосе прозвучало сомнение, смысл которого сэр Най уловил не вполне.

Тетушка Матильда назвала время отправления нескольких поездов на следующей неделе, предупредила, что их часто отменяют или изменяют расписание их отправления, и попросила привезти ей камамбер и стилтон⁷.

– Здесь нельзя ничего достать. Нашу бакалейную лавку – ее хозяин был такой славный, отзывчивый человек с таким хорошим вкусом – вдруг превратили в супермаркет. Он в шесть раз больше по размерам, с корзинками и тележками, в которые приходится класть то, что тебе совсем не нравится. Матери постоянно теряют своих детей, плачут, устраивают истерики... Это очень утомляет. Ну ладно. Жду тебя, мой дорогой мальчик.

Она повесила трубку.

Телефон сэра Ная тут же зазвонил вновь.

– Алло! Стаффорд? Это Эрик Пью. Узнал, что ты вернулся из Малайи. Как насчет того, чтобы поужинать сегодня вместе?

– С большим удовольствием.

– Отлично. Тогда «Лимпитс клаб», в восемь пятнадцать.

Едва Стаффорд положил трубку, как в комнату, тяжело дыша, вошла миссис Уоррит.

– Сэр, вас желает видеть один джентльмен, – с трудом произнесла она. – По крайней мере, он показался мне таковым. По его словам, он уверен в том, что вы согласитесь принять его.

– Как его имя?

– Хоршэм, сэр. Как название города, что по дороге в Брайтон.

– Хоршэм...

Сэр Стаффорд Най был немного удивлен. Он вышел из спальни и спустился на первый этаж в гостиную. Миссис Уоррит ничего не перепутала. Это был Хоршэм собственной персоной, выглядевший точно так же, как и полчаса назад: мужественный, невозмутимый, вызывающий доверие, с ямочкой на подбородке, румянцем на щеках и густыми седыми усами.

– Надеюсь, вы не возражаете, – сказал он с улыбкой, поднимаясь с кресла.

– Не возражаю против чего? – спросил сэр Най.

– Увидеться со мной снова, после столь короткого перерыва. Мы встретились в коридоре, возле двери кабинета мистера Гордона Четуйайнда – если вы помните.

– Никаких возражений, – сказал Стаффорд.

Он подвинул в его сторону лежавшую на столе пачку сигарет.

– Садитесь. Вероятно, вы что-то забыли мне сказать?

– Мистер Четуйайнд – очень хороший человек. Кажется, нам удалось успокоить его. Видите ли, его и полковника Монро все это немного расстроило. Я имею в виду то, что произошло с вами.

– В самом деле?

Стаффорд тоже расположился в кресле. Его губы растянулись в улыбку. Закурив, он окинул Генри Хоршэма задумчивым взглядом.

– И что же вас интересует?

– Не сочтете за бестактность, если я спрошу, куда вы собираетесь ехать?

– С удовольствием отвечу на ваш вопрос, – сказал сэр Най. – Я собираюсь погостить у своей тетки, леди Матильды Клекхитон. Если хотите, могу дать ее адрес.

⁷ Камамбер, стилтон – популярные марки сыров с плесенью.

– Он мне известен, – сказал Генри Хоршэм. – Ну что же, думаю, это прекрасная идея. Она будет рада убедиться в том, что вы благополучно вернулись домой. Ведь могло бы быть и иначе, не правда ли?

– Так полагают полковник Монро и мистер Четуайнд?

– Вы достаточно хорошо знаете джентльменов, служащих в этом департаменте, сэр, – сказал Хоршэм. – Они всегда отличались подозрительностью и теперь не уверены, могут ли доверять вам.

– Доверять мне? – с негодованием переспросил сэр Стаффорд Най. – Что вы хотите этим сказать, мистер Хоршэм?

Визитер лишь ухмыльнулся, демонстрируя завидную выдержку.

– Видите ли, – сказал он, – вы пользуетесь репутацией человека, который не принимает серьезные вещи всерьез.

– Вы хотите сказать, что я совершил нечто недопустимое, некий проступок?

– Нет-нет, сэр, они просто считают, что вы ведете себя не вполне серьезно. Что время от времени вы позволяете себе непозволительные шутки.

– Невозможно всю жизнь воспринимать всерьез себя и других, – с недовольным видом произнес Стаффорд.

– Согласен. Но вы, как я уже говорил, подвергаете себя слишком большому риску, вам так не кажется?

– Хотелось бы мне понять, о чем идет речь.

– Я скажу вам. Иногда дела идут не надлежащим образом, и происходит это не всегда по вине людей, несущих за них ответственность. Порой в ход событий вмешивается тот, кого можно было бы назвать Всемогушим, или же другой джентльмен – тот, что с хвостом.

Эти слова немного позабавили Стаффорда.

– Вы имеете в виду туман в Женеве? – спросил он.

– Именно, сэр. На Женеву опустился туман, и это нарушило планы людей. Кое у кого возникли серьезные проблемы.

– Расскажите мне об этом, – сказал сэр Най. – Я действительно хочу знать.

– Когда вчера этот ваш самолет вылетал из Франкфурта, пропал пассажир. Вы вчера выпили свое пиво и спали себе, удобно расположившись в уголке. Одна пассажирка не явилась на посадку, и ее пытались разыскать с помощью объявлений по громкоговорителю. В конце концов самолет улетел без нее.

– И что же с нею случилось?

– Было бы интересно узнать. Во всяком случае, ваш паспорт прибыл в Хитроу, хоть и без вас.

– Где он сейчас? Могу я получить его обратно?

– Не знаю. Вам подсыпали очень хорошее, надежное средство. Самое что ни на есть подходящее, если можно так выразиться. Оно привело вас в совершенно бесчувственное состояние и при этом не оказало каких-либо особо вредных побочных эффектов.

– У меня потом было довольно тяжелое похмелье, – возразил Стаффорд.

– Ну, в данных обстоятельствах это неизбежное последствие.

– Ответьте на вопрос, раз вы, похоже, все знаете, – сказал сэр Най, – что произошло бы, если б я отказался принять предложение, которое могло – подчеркиваю, могло – быть сделано мне?

– Вполне возможно, что это означало бы конец для Мэри Энн.

– Кто такая Мэри Энн?

– Мисс Дафна Теодофанос.

– Кажется, я слышал это имя. Это та пропавшая пассажирка, которую вызывали по громкоговорителю?

– Да, это имя, под которым она путешествовала. Мы называем ее Мэри Энн.

– А кто она? Я спрашиваю просто из любопытства.

– В своем деле она профессионал.

– Чем же она занимается? Она на нашей стороне или же на другой? Хотя я и не вполне отчетливо представляю, что это за «другая» сторона. Должен признаться, я испытываю некоторые трудности, пытаюсь разобраться в этом.

– Да, это не так легко. Все эти китайцы, и русские, и неизвестные люди, стоящие за студенческими волнениями, и «новая мафия», и группировки в Южной Америке, и финансисты, которые, судя по всему, что-то замышляют... Разобраться в этом в самом деле очень нелегко.

– Мэри Энн, – задумчиво произнес сэр Стаффорд Най. – Странное имя для нее, если ее настоящее имя действительно Дафна Теодофанос.

– У нее мать гречанка, отец англичанин, а дед был австрийским подданным.

– Что произошло бы, если б я не... одолжил ей свою одежду?

– Ее могли бы убить.

– Неужели?

– Мы испытывали опасения в отношении аэропорта Хитроу. В последнее время там происходили события, нуждающиеся в объяснении. Если б самолет летел через Женеву, как планировалось, все было бы в порядке. Она находилась под надежной защитой. Но самолет сел во Франкфурте, и времени для обеспечения ее безопасности не было. А сейчас такие времена, что никогда не знаешь, кто есть кто. Каждый ведет двойную игру, а то и тройную или даже четверную.

– Вы меня пугаете, – сказал Стаффорд. – Но она жива? Вы ведь это хотите сказать?

– Надеюсь, что у нее всё в порядке. По крайней мере, мы не слышали, чтобы с нею что-то случилось.

– Если эта информация способна каким-то образом помочь вам, – сказал сэр Най, – кто-то заходил сюда сегодня утром, пока я беседовал со своими маленькими друзьями в Уайтхолле. Он сказал, будто я звонил в химчистку, и забрал костюм, который был на мне вчера, и еще один. Конечно, вполне возможно, второй костюм ему просто понравился или он коллекционирует костюмы джентльменов, недавно вернувшихся из-за границы. Или – вероятно, вы хотели бы добавить еще одно «или»?

– Вероятнее всего, он что-то искал.

– Я тоже так думаю. Кто-то что-то искал. Все вещи были аккуратно уложены – не так, как я их оставил. Что же он мог искать?

– Не представляю, – медленно произнес Хоршэм. – Хотелось бы знать. Что-то происходит – где-то. То там, то здесь появляются признаки этой деятельности. В какой-то момент вы думаете, что это происходит на фестивале в Байройте⁸, в следующую минуту вам кажется, будто место действия – животноводческая ферма в Южной Америке, а потом приходит соответствующая информация из Соединенных Штатов. В разных местах обделывают множество грязных делишек – может быть, политики, может быть, кто-то другой. Их цель, по всей видимости, деньги.

После некоторой паузы он спросил:

– Вы знаете мистера Робинсона? Или, скорее, мистер Робинсон знает вас – кажется, он говорил мне об этом.

– Робинсон?... – Сэр Стаффорд Най задумался. – Робинсон... Хорошая английская фамилия. – Бросил взгляд на Хоршэма. – Крупный, полный, лицо желтоватого цвета? Имеет

⁸ Фестиваль в Байройте – ежегодный летний фестиваль, на котором исполняются музыкальные драмы Рихарда Вагнера. Основан самим композитором. Проводится в баварском городе Байройте, в специально построенном для этого театре.

многочисленные финансовые интересы? – Улыбнулся. – Он тоже на стороне ангелов – это вы хотите мне сказать?

– По поводу ангелов мне неизвестно, – ответил Генри Хоршэм. – Он неоднократно оказывал нам ценную помощь. Мистер Четуайнд не любит обращаться к нему – наверное, считает, что его услуги обходятся слишком дорого. Весьма прижимистый человек этот наш мистер Четуайнд. Большой мастер наживать себе врагов там, где не надо.

– Прежде говорили «бедный, но честный», – задумчиво сказал сэр Най. – Я так понимаю, что вы использовали бы другое выражение. Вы назвали бы мистера Робинсона дорогим, но честным. Или лучше назвать его честным, но дорогим. – Он вздохнул и с грустью произнес: – Хотелось бы, чтобы вы сказали мне, что все это означает. Похоже, я во что-то ввязался, а во что, и сам не знаю.

Сэр Най с надеждой взглянул на Хоршэма, но тот покачал головой.

– Никто из нас не знает этого, – сказал он. – Во всяком случае, в точности.

– Что же все-таки этот человек мог искать у меня?

– Откровенно говоря, не имею ни малейшего понятия, сэр Стаффорд.

– Очень жаль, поскольку и я тоже не имею ни малейшего понятия.

– Стало быть, вы уверены, что у вас нет ничего такого, что могло бы представлять для кого-то интерес... Никто ничего не давал вам для хранения или передачи?

– Нет, ничего. Если вы намекаете на Мэри Энн, она сказала, что хочет спасти свою жизнь, вот и всё.

– Если только в вечерних газетах не появится заметка определенного содержания, вы *спасли* ей жизнь.

– Это похоже на конец главы, не правда ли? Жаль. Меня все больше разбирает любопытство. Мне очень хочется знать, что произойдет дальше. Похоже, вы все настроены пессимистично.

– Если честно, то да. Ситуация в стране складывается очень тревожная. Вам так не кажется?

– Я понимаю, что вы имеете в виду. Действительно, иногда кажется...

Глава 4. Ужин с Эриком

I

– Старик, не возражаешь, если я тебе кое-что расскажу? – спросил Эрик Пью.

Сэр Стаффорд Най окинул его взглядом. Он знал Эрика много лет. Они не были близкими друзьями. Стаффорд находил его довольно скучным. Однако Эрик обладал одним замечательным качеством: он был верным другом. К тому же, если общение с ним и не было особенно занимательным, он представлял собой настоящий источник самой разнообразной информации. Этот человек запоминал все, что говорили ему люди, и иногда сообщал весьма полезные сведения.

– Ты ведь вернулся из Малайи, с конференции, не так ли?

– Да, – подтвердил Стаффорд.

– Происходило там что-нибудь из ряда вон выходящее?

– Да нет, все было как обычно.

– О, а я все думал, не случилось ли что-нибудь... ну, ты понимаешь, о чем речь. Это все равно что запустить лису в курятник.

– А что там могло случиться? Эти конференции всегда проходят до боли предсказуемо. Все говорят то, что ты ожидаешь от них услышать, только делают это значительно дольше, чем тебе это представляется возможным. Я сам не знаю, зачем на них езжу.

Эрик Пью сделал довольно длинное и утомительное замечание по поводу того, к чему действительно стремятся китайцы.

– Я не думаю, что они действительно к чему-то стремятся, – сказал Стаффорд. – Знаешь, все это не более чем слухи – по поводу того, чем болеет бедный старый Мао, кто интригует против него и почему.

– А что говорили насчет арабо-израильского конфликта?

– Тоже все по плану. По их плану. Однако какое отношение это имеет к Малайе?

– Да я особо и не имел в виду Малайю.

– Ты напоминаешь мне Черепаху Квази⁹, – сказал сэр Най. – Великолепный суп. Почему такой мрачный вид?

– Я все думал... ты только извини меня, ладно?... я хочу сказать, ты не сделал ничего такого, что могло бы замарать твою репутацию, ведь правда?

– Я?

Измучению Стаффорда не было предела.

– Ну, ты же знаешь, Стафф, что любишь иногда шокировать людей.

– В последнее время я вел себя безупречно, – возразил сэр Най. – Что ты слышал обо мне?

– Я слышал, на обратном пути из Малайи у тебя возникла какая-то проблема.

– А-а! И от кого ты это слышал?

– Ну, встречался я тут со стариком Картисоном...

– Старый зануда! Вечно выдумывает небылицы.

– Да, я знаю. Но он говорил, что кто-то – кажется, Уинтертон – считает, будто ты что-то задумал.

– Что-то задумал? Хотел бы я что-нибудь задумать, – сказал сэр Най.

⁹ Персонаж из сказки Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес», из которого делают квазичерепаший суп; существо, которое вечно плачет.

– В последнее время много кричат о шпионаже, и Картисон испытывает тревогу в отношении некоторых людей.

– За кого они меня принимают – за еще одного Филби¹⁰ или кого-нибудь в этом роде?

– Знаешь, иногда ты бываешь крайне неблагоприятен в своих шутках.

– Порой мне очень трудно удержаться, – сказал Стаффорд. – Уж слишком чопорны и напыщенны все эти политики и дипломаты. Время от времени у меня возникает желание немного расшевелить их.

– У тебя чересчур извращенное чувство юмора, мой мальчик. В самом деле. Иногда мне становится страшно за тебя. Тебе хотят задать несколько вопросов по поводу случившегося во время твоего возвращения, и, судя по всему, они считают, что ты не сказал всей правды.

– Ах, они так считают!.. Интересно. Нужно это обдумать.

– Только не совершай опрометчивых поступков.

– Я имею право иногда повеселиться.

– Послушай, приятель, ты ведь, наверное, не хочешь ради забавы поставить крест на своей карьере?

– Я все больше и больше прихожу к выводу, что на свете нет ничего более скучного, чем делать карьеру.

– Знаю, знаю. Ты всегда склонялся к этой точке зрения и никогда не стремился к тому, к чему должен был стремиться. Когда-то у тебя были все шансы получить должность в Вене. Мне очень не хочется, чтобы ты окончательно все испортил.

– Уверяю тебя, я веду себя в высшей степени осмотрительно и благоразумно, – сказал сэр Най.

И добавил после непродолжительной паузы:

– Выше нос, Эрик. Ты хороший друг, но честное слово, я не виноват в том, что люблю шутки и розыгрыши.

Эрик с сомнением покачал головой.

Стоял чудесный вечер. Стаффорд шел домой пешком через Грин-парк. Когда он пересекал шоссе возле Бёрдкейдж-уок, в нескольких дюймах от него на большой скорости пронесся автомобиль. Стаффорд, находившийся в хорошей спортивной форме, успел отпрыгнуть на тротуар. Автомобиль быстро скрылся из виду. У него возникло впечатление, что это была умышленная попытка наезда. Интересно. Сначала подвергли обыску его спальню, а теперь он едва не оказался под колесами... Возможно, это всего лишь совпадение. Сэру Наю доводилось жить в беспокойных городских районах и сталкиваться с опасностью. Ему были известны ее прикосновение, ее запах. И он ощущал ее сейчас. Кто-то открыл на него охоту. Но почему? По какой причине? Вроде бы он ни во что никоим образом не вмешивался. Непонятно.

Войдя в квартиру, Стаффорд поднял с пола корреспонденцию, лежавшую перед входной дверью. Ее было немного: пара счетов и номер журнала «Лайфбоут». Он бросил счета на стол и взял журнал. Время от времени в этом издании публиковались его статьи. Перелистывая страницы, сэр Най лишь рассеянно скользил по ним взглядом, поскольку его голова все еще была занята тревожными мыслями. Внезапно пальцы наткнулись на что-то, вставленное между двух страниц и приклеенное скотчем. Это был его паспорт. Он оторвал его от журнальной страницы и внимательно изучил. Последним штампом в нем был штамп аэропорта Хитроу, датированный вчерашним днем. Она воспользовалась паспортом, благополучно добралась до Лондона и вернула его ему столь необычным образом. Интересно, где она сейчас? Увидит ли он ее когда-нибудь еще? Кто она? Куда уехала и зачем?

¹⁰ Ким Филби (1912–1988) – один из руководителей британской разведки, коммунист, агент советской разведки с 1933 г.

Это напоминало ожидание начала второго акта пьесы. В самом деле, у Стаффорда было ощущение, будто первый акт только что закончился. Что же он видел? Вероятно, прелюдию. Девушку, которой взбрело в голову переодеться, чтобы выдать себя за мужчину; которая прошла паспортный контроль в Хитроу, не вызвав ни у кого подозрений, и растворилась в Лондоне. Нет, наверное, больше ему не суждено увидеть ее. Эта мысль вызвала у него раздражение. Но почему ему хотелось увидеть ее еще? Она не была особенно привлекательной, да и вообще ничего собою не представляла. Хотя нет, это было не совсем так. Что-то – или кого-то – она собою все-таки представляла, иначе не смогла бы добиться от него – без долгих уговоров, без откровенной сексуальной стимуляции – того, что ей было нужно. Она обратилась к нему с просьбой потому, что, по ее словам, зная людей, увидела в нем человека, готового взять на себя риск, чтобы помочь ближнему. И он взял на себя риск, подумал сэр Най. Она могла подсыпать что-нибудь ему в бокал с пивом, а потом сотрудники аэропорта нашли бы его мертвое тело, сидящее в кресле в укромном уголке зала вылетов. И если она разбиралась в медикаментозных средствах – а она должна была разбираться, – то его смерть выглядела бы как результат сердечного приступа, произошедшего вследствие перепада высот, или давления, или чего-либо еще в этом роде. Но зачем думать об этом? Маловероятно, что он когда-нибудь вновь увидит ее, и это вызывало у него раздражение.

Да, Стаффорд был раздражен, а ему не хотелось испытывать это чувство. В течение нескольких минут он обдумывал создавшееся положение, после чего написал объявление, которое должно было быть напечатано в газете в трех номерах подряд:

«Пассажир, находившийся в аэропорту Франкфурта 3 ноября, просит его попутчика связаться с ним в Лондоне».

Не более того. Либо она откликнется, либо нет. Если это объявление попадетсся ей на глаза, она поймет, кто его поместил, поскольку наверняка посмотрела его имя в паспорте. Может быть, она разыщет его, может быть, нет. Скорее, нет. Если так, то прелюдия останется прелюдией, маленькой глупой пьеской, призванной развлечь пришедших в театр зрителей, пока не началось настоящее представление. Такие вещи весьма полезны в предвоенное время. По всей вероятности, он больше не увидит ее, и, возможно, в первую очередь по той причине, что она, сделав в Лондоне свое дело, улетела в Женеву, на Ближний Восток, в Россию, Китай, Южную Америку или Соединенные Штаты. А почему, подумал Стаффорд, я включил в этот список Южную Америку? Должна быть какая-то причина. Она не упоминала Южную Америку. Никто не упоминал Южную Америку... кроме Хоршэма. Да и Хоршэм упомянул ее среди множества других стран и регионов.

На следующее утро сэр Най медленно шел по дорожке Сент-Джеймс-парка, возвращаясь домой из редакции газеты, где поместил свое объявление, и рассеянно любовался осенними цветами. Золотисто-бронзовые бутоны венчали ныне жесткие, длинные стебли хризантем. Он ощущал их слабый аромат, всегда навевавший ему ассоциации с живописными холмами Греции.

Теперь следовало регулярно просматривать колонку объявлений. Должно пройти по меньшей мере два-три дня, прежде чем появится его объявление, а потом еще некоторое время нужно ждать ответа. Ни в коем случае нельзя пропустить его – разумеется, если он появится, – поскольку было бы обидно упустить возможность выяснить, что все это означает.

Стаффорд пытался вспомнить не девушку в аэропорту, а лицо своей сестры Памелы. Со дня ее смерти прошло много времени, но он помнил ее. Конечно, он помнил свою сестру, но почему-то не мог воссоздать в памяти ее лицо, и это его страшно злило.

Подойдя к дороге, сэр Най остановился. Движения по ней не было, если не считать одинокого автомобиля, ехавшего медленно и торжественно, с видом скучающей престаре-

лой дамы. Это был старомодный лимузин «Даймлер-Бенц». Стаффорд пожал плечами. С какой стати он стоит здесь, словно идиот, погружившись в раздумья?

Он шагнул вперед, собираясь перейти дорогу, и в этот момент лимузин с поразительной для его преклонного возраста резвостью неожиданно бросился наперерез ему, резко увеличив скорость. Сэр Най едва успел вскочить на тротуар на противоположной стороне. Пронесшись мимо, подобно молнии, лимузин исчез за поворотом.

– Интересно, – произнес вслух Стаффорд. – Очень интересно. Кто же это так меня не любит?

II

Как всегда окутанный густым облаком сигарного дыма, полковник Пайкэвей вытянулся во весь рост в кресле, в маленьком кабинете дома в Блумсбери, где он просиживал с десяти до пяти с перерывом на ланч. Его глаза были закрыты, и только периодическое подергивание век свидетельствовало о том, что он бодрствует. Полковник редко поднимал голову. Однажды кто-то сказал, что он напоминает нечто среднее между Буддой и большой синей лягушкой, у которой – добавил кто-то другой, более молодой и более дерзкий – в роду был гиппопотам.

Нежное жужжание внутреннего телефона вывело его из полудремотного состояния. Трижды моргнув, он открыл глаза, устало потянулся и снял трубку.

– Да?

В трубке раздался голос его секретарши:

– Пришел министр и хочет видеть вас.

– Вы имеете в виду баптистского священника из церкви за углом?

– О нет, это сэр Джордж Пэкхэм.

– Жаль, – сказал полковник Пайкэвей, тяжело дыша вследствие астмы. – Очень жаль. Преподобный Макгилл куда как занимательнее. От него так и веет восхитительным адским огнем.

– Пригласить его, полковник Пайкэвей?

– Полагаю, он рассчитывает, что его тут же пригласят. Министры гораздо более щепетильны, нежели государственные секретари, – угрюмо произнес полковник Пайкэвей. – Вечно эти министры настаивают на том, чтобы их впустили, а потом начинают здесь бесноваться.

Войдя в кабинет, сэр Джордж Пэкхэм закашлялся и принялся ловить ртом воздух. У большинства людей, оказавшихся здесь, возникала подобная реакция. Окна маленького кабинета были всегда плотно закрыты. Полковник Пайкэвей откинулся на спинку кресла, скрывшись за облаком дыма. Атмосфера здесь была почти невыносимой, и в официальных кругах этот кабинет называли «маленьким борделем».

– Ах, мой дорогой полковник, – заговорил сэр Джордж бодрым, оживленным тоном, плохо сочетавшимся с его аскетической внешностью и грустным выражением лица. – Давненько мы с вами не виделись.

– Садитесь, садитесь, – сказал Пайкэвей. – Хотите сигару?

Сэра Джорджа слегка передернуло.

– Нет, благодарю вас.

Он бросил весьма красноречивый взгляд на окна, но полковник Пайкэвей намека не понял. Прежде чем заговорить, сэр Джордж еще раз откашлялся.

– Насколько мне известно, у вас был Хоршэм.

– Да, был. И высказал свое мнение. – Полковник медленно закрыл глаза.

– Я думал, что так будет лучше всего, – сказал сэр Джордж. – Я имею в виду, чтобы он пришел к вам сюда. Очень важно не допустить утечку информации.

– Но она произойдет, – сказал Пайкэвей, – вы так не считаете?

– Прошу прощения?

– Она произойдет, – повторил полковник.

– Я не знаю, насколько вы в курсе последних событий...

– Мы здесь знаем все, – сказал полковник. – Это наша обязанность.

– Да-да, конечно. Вам известно о происшествии с сэром С.Н.? Надеюсь, вы понимаете, о ком я говорю?

– О пассажире, прибывшем на днях из Франкфурта.

– Очень необычное происшествие. Чрезвычайно. Трудно представить, что такое возможно.

Пайкэвей слушал его с доброжелательным выражением на лице.

– Не знаешь, что и думать, – продолжал сэр Джордж. – Вы знакомы с ним лично?

– Я пересекался с ним один или два раза, – ответил полковник.

– Действительно, не перестаешь удивляться...

Пайкэвей с трудом подавил зевок. Сэр Джордж утомил его своими раздумьями и удивлением. Полковник всегда был невысокого мнения о его мыслительных способностях. Осторожный человек, на которого можно положиться, эффективный руководитель департамента, однако не блестящий интеллект. Возможно, подумал полковник, оно и к лучшему. Во всяком случае, те, кто думает, удивляется и не вполне уверен, благополучно сидят на своих местах, которые они заняли благодаря Богу и избирателям.

– Не следует забывать, – продолжал сэр Джордж, – о тех разочарованиях, которые мы пережили в прошлом.

Пайкэвей улыбнулся.

– Чарлстон, Конвэй и Кортфолд, – сказал он. – Пользовавшиеся абсолютным доверием, проверенные в деле – вдруг оказались проходимцами.

– Иногда я думаю, можем ли мы вообще хоть кому-то доверять, – сказал сэр Джордж с грустью.

– Все очень просто, – сказал полковник. – Вы не можете.

– Возьмем Стаффорда Ная, – сказал сэр Джордж. – Хорошая семья, превосходная семья. Я знал его отца, его деда.

– Очень часто в третьем поколении происходит сбой, – произнес Пайкэвей.

Это замечание не оказало на сэра Джорджа никакого воздействия.

– Меня одолевает чувство тревоги, и я ничего не могу с собой поделать. Иногда он ведет себя просто несерьезно.

– В молодости я повез двух своих племянниц посмотреть замки Луары, – неожиданно сказал полковник. – На берегу человек ловил рыбу. У меня с собой тоже была удочка. Человек сказал мне: «*Vous n'êtes pas un pêcheur sérieux. Vous avez des femmes avec vous*»¹¹.

– Вы считаете, сэр Стаффорд...

– Нет-нет, в особых пристрастиях к женщинам он не замечен. Его проблема заключается в том, что он любит ставить людей в неловкое положение.

– Не самая лучшая привычка, вам не кажется?

– Почему бы и нет? – сказал Пайкэвей. – Уж лучше шутник, чем перебежчик.

– Если только шутник не выходит за рамки благоразумия. И все-таки, что вы думаете по этому поводу? Каково ваше личное мнение?

Полковник снисходительно улыбнулся:

¹¹ Вы несерьезный рыболов. Ведь с вами женщины (*фр.*).

– Его благоразумие не вызывает у меня ни малейших сомнений. На вашем месте я не тревожился бы на этот счет.

III

Сэр Стаффорд Най отодвинул в сторону чашку с кофе, взял со стола газету, пробежал глазами заголовки, затем открыл страницу с личными объявлениями. Эту колонку он регулярно просматривал уже в течение семи дней. Его вновь охватило разочарование. Но удивляться было нечему. С какой стати он рассчитывал получить ответ? Взгляд Стаффорда медленно скользил по объявлениям, содержащим всякую занимательную всячину. Он всегда находил их чтение чрезвычайно увлекательным занятием. В большинстве своем они не носили сугубо личный характер. Половина, или даже больше, представляла собой скрытую рекламу или предложение товаров и услуг. Вероятно, их следовало помещать под другим заголовком, но в этой колонке у них было больше шансов попасться на глаза.

«Молодой человек, возражающий против тяжелого труда и стремящийся к легкой жизни, будет рад найти подходящую работу».

«Девушка желает отправиться в путешествие в Камбоджу. Присмотр за детьми не предлагать».

«Огнестрельное оружие, использовавшееся при Ватерлоо. Рассмотрю предложения».

«Срочно продается шуба из искусственного меха. Владелец уезжает за границу».

«Вы знаете Дженни Кэпстан? Ее торты великолепны. Приезжайте на Лиззард-стрит, 14».

Палец сэра Ная застыл на месте. Дженни Кэпстан. Это имя ему понравилось. Существует ли в природе Лиззард-стрит? О такой улице он никогда не слышал. Стаффорд вздохнул, и его палец двинулся вниз, но почти сразу вновь остановился.

«Пассажир из Франкфурта, четверг, 11 ноября, Хангерфорд-бридж¹², 7.20».

Четверг, 11 ноября. Сегодня. Сэр Най откинулся на спинку кресла и выпил глоток кофе. Он чувствовал, как по его телу разливается возбуждение. Хангерфорд-бридж. Он поднялся и пошел в кухню. Миссис Уоррит резала картофель и бросала его ломтики в большую кастрюлю с водой. Она взглянула на него с легким удивлением.

– Вам что-нибудь нужно, сэр?

– Да, – ответил Стаффорд Най. – Если бы вас попросили приехать к Хангерфорд-бридж, куда бы вы направились?

– Куда бы я направилась? – Миссис Уоррит задумалась. – Вы имеете в виду, если бы я захотела туда поехать?

– Предположим, захотели.

– Ну, тогда, наверное, я направилась бы к Хангерфорд-бридж.

– Вы хотите сказать, что поехали бы в Хангерфорд в Беркшире?

– А где это?

– В восьми милях за Ньюбери.

– Ньюбери я знаю, в прошлом году мой старик объезжал там лошадей. Кстати, получилось у него очень хорошо.

– Значит, вы поехали бы в Хангерфорд, что возле Ньюбери?

– Конечно же нет, – ответила миссис Уоррит. – Ехать в такую даль – зачем? Разумеется, я поехала бы к Хангерфорд-бридж.

– Вы имеете в виду...

– Это недалеко от Чаринг-кросс. Да вы знаете, где это. На другом берегу Темзы.

¹² Bridge (англ.) – мост.

– Да, – сказал сэр Най. – Да, хорошо знаю. Благодарю вас, миссис Уоррит.

Ему казалось, это все равно что подбрасывать монетку. В объявлении, помещенном в утренней лондонской газете, указывался железнодорожный мост Хангерфорд-бридж в Лондоне. Следовательно, можно предположить, что его и имел в виду автор объявления, хотя Стаффорд сомневался, тот ли человек этот самый автор, который был ему нужен. Ее идеи, с которыми он познакомился в ходе краткого общения с нею, отличались оригинальностью, а ее реакции не были нормальными и ожидаемыми. И все же, что еще оставалось делать? Кроме того, по всей вероятности, существуют и другие Хангерфорды в разных районах Англии, и там имеются мосты. Но сегодня все выяснится.

IV

Вечерело. Дул холодный, пронизывающий ветер, временами принимался мелкий дождь. Втянув голову в плечи, сэр Стаффорд Най поднял воротник макинтоша. Он не впервые пересекал Темзу по Хангерфорд-бридж, и это никогда не напоминало ему приятную прогулку. На мосту было довольно много людей. Мокрые макинтоши плотно облегали тела, шляпы были низко надвинуты на глаза, и в поспешно двигавшихся фигурах явственно сквозило желание как можно быстрее попасть домой, где можно укрыться от ветра и дождя. Узнать кого-либо в этой толпе было весьма затруднительно. 7.20. Не самое подходящее время для свидания или встречи. Вероятно, в объявлении подразумевался все-таки Хангерфорд-бридж в Беркшире. Во всяком случае, все это выглядело очень странным.

Сэр Най брел по мосту ровным шагом, достаточно быстро, чтобы не позволять обгонять себя тем, кто двигался в одном с ним направлении, пристально всматриваясь в тех, кто шел навстречу. Возможно, кому-то вздумалось подшутить над ним. Но если так, то эта шутка была совсем не в его духе. И ему хотелось бы верить, что не в ее духе тоже. Два потока спешащих людей все так же двигались в противоположных направлениях, тесня его в сторону. Навстречу ему, тяжело ступая, шла женщина в макинтоше. Столкнувшись с ним, она поскользнулась и упала на колени. Он помог ей подняться.

– С вами всё в порядке?

– Да, благодарю вас.

Женщина продолжила свой путь, но перед этим сунула ему что-то в руку, которой он поддерживал ее, когда помогал подняться на ноги. Через мгновение она уже была у него за спиной и, нырнув в толпу, растворилась в ней. Стаффорд двинулся дальше. Догнать ее он не смог бы. И она явно не хотела, чтобы он ее догнал. Зажав в кулаке то, что ему сунула женщина, сэр Най прибавил шагу. Наконец мост, показавшийся ему невероятно длинным, кончился, и он очутился на стороне Суррея.

Спустя несколько минут сэр Най зашел в небольшое кафе, сел за столик, заказал кофе и только после этого разжал кулак. В нем оказался незапечатанный тонкий непромокаемый конверт. Внутри находился еще один конверт из обычной белой бумаги, тоже открытый. Его содержимое вызвало у Стаффорда удивление. Это был билет.

Билет в «Фестивал-холл» на следующий вечер.

Глава 5. Вагнеровская мелодия

Удобно устроившись в кресле, сэр Най принялся слушать навязчивый ритм нибелунгов, которым открывалась программа.

Хотя он любил творчество Вагнера, «Зигфрид» не был его самой любимой оперой из тех, что составляли «Кольцо нибелунга». Наибольшее предпочтение Стаффорд отдавал «Золоту Рейна» и «Гибели богов». Ария юного Зигфрида, слушающего пение птиц, всегда по непонятной причине вызывала у него раздражение, вместо того что наполнять его душу радостью. Возможно, причина крылась в том, что на представлении в Мюнхене, которое Стаффорд посетил в юности, выступавший в главной роли великолепный тенор имел чрезмерно крупные габариты, а сам сэр Най был еще слишком молод, чтобы отделять музыку от зрительных образов. Вид грузного, немолодого тенора, неловко бегавшего по сцене и изображавшего утонченного юношу, был ему отвратителен. Кроме того, Стаффорду не особенно нравились пение птиц и шорохи леса. Нет, ему подавай дочерей Рейна, хотя в Мюнхене даже они обладали довольно солидными размерами. Но в данном случае это было не столь важно. Увлеченный мелодичным потоком воды и радостной песней, он абстрагировался от зрительного восприятия.

Время от времени Стаффорд окидывал взглядом публику. Он занял свое место одним из первых, и теперь зал был, как обычно, переполнен. В антракте сэр Най поднялся с кресла и огляделся. Место рядом с ним оставалось незанятым. Тот, кто должен был занять его, не пришел. Был ли это ответ или же зрителя просто не пустили в зал, поскольку он опоздал, – такое все еще практиковалось на представлениях опер Вагнера.

Стаффорд вышел из зала, прогулялся по фойе, выпил чашку кофе, выкурил сигарету и вернулся, когда прозвучал звонок. Приближаясь к своему креслу, он увидел, что соседнее место занято. Его вновь охватило волнение. Он сел. Да, это была женщина из франкфуртского аэропорта. Она смотрела прямо перед собой и даже не взглянула на него. Ее ясный, четко очерченный профиль в точности соответствовал его воспоминаниям об их встрече. Она слегка повернула голову в его сторону и скользнула по нему взглядом, но в ее глазах не вспыхнул огонек узнавания. Это откровенное нежелание узнавать его было красноречивее всяких слов. Их знакомство не признавалось ею – по крайней мере, сейчас. Зал начал медленно погружаться в полумрак. Женщина повернулась к нему.

– Извините, могу ли я посмотреть вашу программку? Боюсь, я уронила свою, когда садилась.

– Да, конечно, – сказал Стаффорд.

Он протянул ей программку, она взяла ее, открыла и принялась изучать. Свет окончательно погас. Началось второе отделение. Открылось оно увертюрой к «Лоэнгрину». В конце ее женщина вернула ему программку.

– Большое вам спасибо. Это было очень любезно с вашей стороны.

Следующим номером были «Шорохи леса» из «Зигфрида». Сэр Най сверился с только что возвращенной ему программкой и вдруг заметил карандашную надпись в нижней части страницы. Он даже не стал пытаться прочесть ее, поскольку освещение в зале было недостаточно ярким, и сложил программку. Сам он в ней ничего не писал – следовательно, женщина вернула ему свою с заранее написанным посланием для него, которую, по всей вероятности, держала в сумочке. У него возникло ощущение, что его все еще окружает атмосфера секретности и опасности. Сначала встреча на Хангерфорд-бридж и конверт с билетом, засунутый ему в руку; теперь эта молчаливая женщина в соседнем кресле... Стаффорд мельком взглянул на нее, как смотрят на находящихся рядом незнакомцев. Она сидела в непринужденной позе, откинувшись на спинку кресла. На ней было платье из черного крепа с

глубоким декольте, шею украшало золотое ожерелье. Темные волосы были коротко острижены в соответствии с формой головы. Она ни разу не взглянула на него. Интересно, подумал он, не следит ли кто-нибудь здесь, в «Фестивал-холле», за нею – а может быть, и за ним, – наблюдая, не общаются ли они. Во всяком случае, такую вероятность нельзя исключать. Ведь она откликнулась на его объявление в газете. Любопытство Стаффорда только усиливалось. Теперь он знал, что Дафна Теодфанос – или Мэри Энн, – по крайней мере, находится в Лондоне. У него появилась возможность узнать больше о том, что происходит. Однако инициатива целиком и полностью принадлежала ей; ему оставалось лишь следовать ее указаниям. Точно так же, как он подчинился ей в аэропорту, ему придется подчиняться ей и сейчас, и – следует признать – жизнь вдруг приобрела для него больший интерес. Это было куда увлекательнее скучных конференций. Неужели водитель того автомобиля действительно хотел переехать его? По всей видимости, хотел. Он предпринял уже две попытки. Правда, сегодня люди ездят настолько беспечно, что порой обычную небрежность в вождении можно легко принять за преднамеренную попытку наезда...

Тем временем музыка стихла. Сидящая рядом с ним женщина неожиданно нарушила молчание. Она говорила довольно громко, с легким придыханием между словами, не поворачивая в его сторону головы, словно обращалась к самой себе или к соседу по другую от себя сторону.

– Юный Зигфрид, – произнесла она со вздохом.

Программа завершалась маршем из «Миннезингеров». Когда отзвучали бурные аплодисменты, зрители поднялись с мест и потянулись к выходу. Сэр Най ждал, не даст ли незнакомка ему какое-нибудь указание, но ничего подобного не произошло. Она встала, протиснулась вдоль ряда кресел и смешалась с толпой.

Стаффорд сел в свой автомобиль и поехал домой. Включив на кухне кофеварку, он разложил программку на письменном столе и принялся внимательно изучать ее.

Его разочарованию не было границ. Судя по всему, программка не содержала никакого послания. Только на одной странице он с трудом рассмотрел какие-то нечеткие пометки, сделанные карандашом. Это были не слова, не буквы и даже не цифры – скорее, значки нотного письма. Как будто кто-то нацарапал музыкальную фразу. В какой-то момент сэру Наю пришло в голову, что, возможно, это тайное послание, которое проявится под воздействием тепла. Чрезвычайно аккуратно, немного стыдясь откровенного мелодраматизма этой сцены, он подержал программку в течение нескольких секунд над огнем. Никакого эффекта. Тяжело вздохнув, Стаффорд швырнул ее обратно на стол. Его охватило раздражение. Вся эта канитель – свидание на мосту на промозглом ветру, под холодным дождем, затем созерцание представления по соседству с женщиной, которой он жаждал задать по меньшей мере дюжину вопросов, – и что в результате? Ничего! И все же она встретилась с ним... Зачем? Если она не захотела разговаривать и не условилась о дальнейших контактах, зачем тогда вообще приходила?

Его глаза лениво скользнули по комнате, в сторону книжного шкафа, в котором хранились всевозможные триллеры, детективы и несколько книг научной фантастики. Он покачал головой. Художественная литература неизмеримо выше реальной жизни, подумалось ему. Мертвые тела, загадочные телефонные звонки, обилие прекрасных шпионок!.. Однако эта дама из франкфуртского аэропорта постоянно ускользала от него. Может быть, в следующий раз он сам проявит инициативу. В игру, которую она ведет, могут играть и двое.

Выпив кофе, сэр Най поставил чашку на стол, встал с кресла и подошел к окну. Программка все еще находилась в его руке. Он смотрел на улицу, как вдруг его взгляд упал на раскрытую программку. Почти не отдавая себе в этом отчета, он принялся напевать про себя мелодию. У него был хороший слух, и ему не составило труда воспроизвести записанные в

программке ноты. Мелодия показалась ему знакомой. Он стал напевать ее вполголоса. Там-там-там, там-там-там... Да, она определенно была знакома ему.

Стаффорд принялся вскрывать письма.

Они были в высшей степени неинтересны. Два приглашения – одно из американского посольства, второе от леди Этельхэмптон, на благотворительное представление, которое должна была почтить своим присутствием королевская семья. За билет на подобное мероприятие пять гиней не считались чрезмерной платой. Сэр Най отодвинул письма в сторону. У него не было ни малейшего желания принимать как то, так и другое приглашение. Он решил, что будет лучше всего без лишнего шума уехать из Лондона и навестить тетюшку Матильду, как между ними и было договорено. Стаффорд питал к ней нежные чувства, хотя виделись они нечасто. Она занимала анфиладу комнат в одном из крыльев большого, недавно отреставрированного георгианского особняка в сельской местности, который достался ей в наследство от его деда. В ее распоряжении находились великолепная просторная гостиная, маленькая столовая овальной формы, новая кухня, переоборудованная из прежней комнаты экономки, две спальни для гостей, большая удобная спальня для самой хозяйки с примыкающей ванной и покои для обладавшей ангельским терпением компаньонки, скрашивавшей ее одиночество. Оставшаяся немногочисленная прислуга имела хорошее содержание и была обеспечена вполне приличным жильем. Остальная часть особняка пустовала, и скапливавшаяся там пыль периодически удалялась. Стаффорд Най в детстве проводил в этом доме каникулы и любил его. В те времена здесь было весело и шумно. В особняке жил его самый старший дядя с женой и двумя детьми. Да, тогда здесь было очень хорошо. У дяди водились деньги, и в доме было достаточное количество прислуги. В те дни Стаффорд не обращал особого внимания на портреты и картины, развешанные на стенах. Там были представлены крупноразмерные образцы викторианского искусства, но имелись полотна мастеров и более ранних эпох: один портрет работы Реберна, два – Лоуренса, один – Гейнсборо, один – Лели, два – Ван Дейка (весьма сомнительного происхождения), два – Тёрнера. Некоторые из них пришлось продать, когда семья нуждалась в деньгах. Повзрослев, Стаффорд находил большое удовольствие в изучении этих шедевров живописи.

Тетюшка Матильда была большой любительницей поговорить и всегда радовалась его приездам. Несмотря на свою привязанность к ней, он не вполне понимал, почему ему сейчас вдруг захотелось навестить ее. И почему ему пришли на память семейные портреты? Не потому ли, что среди них был портрет Памелы, выполненный двадцать лет назад одним из ведущих художников того времени... Он хотел как можно более внимательно рассмотреть его, чтобы определить, насколько велико сходство между его сестрой и незнакомкой, столь бесцеремонно вторгшейся в его жизнь.

Сэр Най снова, с некоторым раздражением, взял программку представления в «Фестивал-холле» и принялся напевать записанную на ней нотными знаками мелодию. Там-там-там, там-там-там... И тут его осенило: эта мелодия действительно ему знакома. Это был Рог Зигфрида. Тема Юного Зигфрида. Именно это сказала женщина прошлым вечером. Неочевидно, что ему, неочевидно, что кому бы то ни было. Но это было послание, которое не имело никакого смысла для окружающих, поскольку оно, похоже, относилось к только что исполненной музыке. И эта мелодия была записана в его программке нотным письмом. Юный Зигфрид... Это должно было что-то означать. Вероятно, на него еще снизойдет озарение. Юный Зигфрид... Что, черт возьми, это могло значить? Почему, как, когда и что? Какая нелепость – все эти вопросительные слова!

Стаффорд снял телефонную трубку и набрал номер тетюшки Матильды.

– Конечно, Стаффи, дорогой. Будет здорово, если ты приедешь. Поезд отправляется в четыре тридцать. Он все еще ходит, но прибывает сюда полутора часами позже. От Паддингтона он отходит позже – в пять пятнадцать. Наверное, это они и имеют в виду, когда

говорят об улучшении работы железных дорог. По пути он делает несколько остановок... Ну ладно. Хорас встретит тебя в Кингс-Марстон.

– Он все еще у вас?

– Где же ему еще быть.

– Я так и думал.

Хорас был сначала грумом, потом стал кучером и в конце концов дослужился до шофера.

– Ему должно быть не меньше восьмидесяти, – сказал Стаффорд и улыбнулся.

Глава 6. Портрет дамы

I

– Выглядишь хорошо и загорел, – сказала тетушка Матильда, оценивающе оглядывая его. – Ты ведь ездил в Малайю? Не в Сиам – или, как он сейчас называется, Таиланд? Они вечно меняют названия, и это создает путаницу. Во всяком случае, не во Вьетнам, не так ли? Знаешь, мне *совсем* не нравится этот Вьетнам. Вот уж где путаница – Северный Вьетнам, Южный Вьетнам, Вьетконг и еще какой-то Вьет... Все они воюют друг с другом, и никто не желает остановиться. Не хотят отправиться в Париж или куда-нибудь еще и сесть за стол переговоров. В самом деле, дорогой мой, я постоянно думаю об этом, и мне представляется, что было бы разумнее всего, если б они сошлись на стадионах и сражались бы там не столь смертоносным оружием, как этот ужасный напалм. Тебе так не кажется? Молотили бы друг друга кулаками, и это доставляло бы им удовольствие, как и всем остальным, кто приходил бы и наблюдал за этим зрелищем. Я считаю, что мы никак не научимся давать людям то, чего они действительно хотят.

– Прекрасная идея, тетушка Матильда, – сказал сэр Най, целуя бледно-розовую морщинистую щеку, приятно пахнувшую духами. – Как ваши дела, дорогая моя?

– Старость не радость, – ответила леди Матильда Клекхитон. – Да, я стара. Конечно, тебе пока еще не понять, что это такое. Не одно, так другое. То дает себя знать ревматизм, то артрит, то астма, то заболеешь ангиной, то подвернешь лодыжку... Постоянно какие-то проблемы со здоровьем. Не очень серьезные, но тем не менее... Что это ты вдруг решил навестить меня, дорогой мой?

Стаффорда несколько смутила прямота вопроса.

– Обычно я всегда навещаю вас, когда возвращаюсь из заграничных поездок.

– Тебе придется придвинуть стул ближе ко мне. Со времени твоего последнего визита я стала еще более глухой. Ты изменился... Почему ты изменился?

– Просто загорел. Вы же сами сказали.

– Ерунда. Я не то имею в виду. Только не говори, что это наконец девушка.

– Девушка?

– Я всегда чувствовала, что это может однажды произойти. Беда в том, что у тебя слишком развито чувство юмора.

– Почему вы так считаете?

– Так говорят о тебе люди. О да, говорят. Это чувство юмора вредит твоей карьере. Ты общаешься со всеми этими людьми – дипломатами, политиками... Теми, кого называют молодыми государственными деятелями, а также пожилыми и среднего возраста. И с членами всех этих партий... Кстати, я считаю, глупо иметь так много партий. И прежде всего эту ужасную лейбористскую.

Она задрала вверх свой консервативный нос.

– Почему в дни моей молодости не было никакой лейбористской партии? Никто не смог бы тогда сказать, что означает это название. Его называли бы чушью. К сожалению, все гораздо серьезнее. Ну еще, конечно, эти либералы, но они ужасно глупы. Потом тори, или консерваторы, как они себя сейчас называют.

– А эти-то чем вам не угодили? – спросил сэр Най с едва заметной улыбкой на лице.

– Там слишком много серьезных женщин. Им недостает веселости.

– Ни одна политическая партия сегодня не приветствует веселость.

– Вот именно, – сокрушенно произнесла тетушка Матильда. – И именно поэтому ты ведешь себя неправильно. Ты хочешь привнести в жизнь немного веселья и подшучиваешь над людьми, а им, разумеется, это не нравится. Они говорят: «*Ce n'est pas un garçon sérieux*»¹³, как сказал тебе однажды рыболов.

Рассмеявшись, сэр Най окинул взглядом комнату.

– Куда ты смотришь?

– На картины.

– Ты ведь не хочешь, чтобы я продала их, правда? Сегодня все продают свои картины. Взять, к примеру, старого лорда Грэмпиона. Он продал полотна Тёрнера и портреты своих предков. А Джеффри Голдман продал свои замечательные картины с изображениями лошадей. Они принадлежат кисти Стаббса, не так ли? Что-то вроде того. А какие за них выручают деньги! Но я не хочу продавать свои картины. Большинство из тех, что находятся в этой комнате, представляют настоящий интерес, поскольку это портреты предков. Знаю, сегодня предки никому не нужны, но я старомодна. Я отношусь к предкам с уважением. К своим, конечно. На чей портрет ты смотришь? Памелы?

¹³ Это несерьезный молодой человек (*фр.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.